

Общий взгляд на развитие языка права и законодательных текстов

М. В. Батюшкина

*Законодательное Собрание Омской области
ул. Красный Путь, 1, 644002, Омск, Россия
E-mail: soulangeana@mail.ru*

Целью статьи является исследование вопроса о становлении языка права, развитии понятия "закон" и формировании моделей законодательных текстов. В диахроническом аспекте рассматривается дифференциация видов законов, ее основания и тенденции. Исследуются общие и частные функциональные, формальные и содержательные особенности законов, принятых в разные временные периоды, феномен модельного законотворчества, унификация законодательных форм. Особое внимание уделяется языковой и терминологической основе законов, правовой рецепции, смене терминосистем, отражающих различные государственные и общественно-политические парадигмы. При написании статьи применяются методы и подходы, традиционные для русистики и юридической лингвистики. В качестве материала исследования, наряду с работами лингвистов, правоведов и представителей других наук, используются правовые тексты XI – XX веков и современные российские законы.

Ключевые слова: язык права, текст закона, юридический термин, клише, юридическая лингвистика, история языка, история права.

General Outlook on the Development of the Language of Law and Legislative Texts

M.V. Batuyshkina

*Legislative Assembly of the Omsk Oblast
1 Krasny Put st., Omsk, Russia, 644002,
E-mail: soulangeana@mail.ru*

The purpose of the article is to examine the matter of the genesis of the language of law, the development of the concept of "law" and the formation of models of legislative texts. The differentiation of types of laws, its foundations and trends are considered diachronically. The article examines the general and particular functional, formal and substantive features of laws adopted in different time periods, the phenomenon of model lawmaking, and the unification of legislative forms. Special attention is paid to the linguistic and terminological basis of laws, legal reception. It is noted that the change of terminological systems reflects various state and socio-political paradigms. The methods and approaches traditional for Russian studies and forensic linguistics have been used to write this article. The legal texts of the XI – XX centuries and modern Russian laws, as well as works of linguists, legal scholars and representatives of other sciences have served as research material.

Key words: language of law, text of law, legal term, clichés, forensic linguistics, history of language, history of law.

1. Вводные замечания. К основным задачам юридической лингвистики (А.Н. Баранов, К.И. Бринев, Е.И. Галяшина, Н.Д. Голев, М.В. Горбаневский, С.В. Доронина, М.В. Косова, С.П. Кушнерук, С.П. Хижняк, М.А. Осадчий, О.П. Сологуб, И.А. Стернин, Т.В. Чернышева и др.) относится исследование функционирования русского языка в правовой сфере, лингвистическая экспертиза текстов и квалификация высказываний, обеспечение лингвистического качества текстов, обладающих юридической значимостью. Решение этих задач знаменует собой переход к междисциплинарному этапу развития науки о языке, усиление ее роли в системе научного знания и практической деятельности.

Проведение юрислингвистических изысканий предполагает интеграцию понятий и концепций разных наук, прежде всего, лингвистики, права, герменевтики и логики, а также различных научных подходов (дискурсивного, практикоориентированного, функционального, когнитивно-коммуникативного, формального, интерпретационного и др.).

Как правило, юрислингвист описывает объект исследования с учетом системы представлений, характерной для определенного периода развития науки и практики (в синхронии), оставляя за рамками рассмотрения предысторию. Однако не меньший интерес представляет изучение данного объекта в хронологическом развитии, поэтапном становлении, предусматривающем

смену вариантов одного инварианта (в диахронии). Второй подход позволяет точнее истолковать многие особенности, свойственные объекту исследования в синхронном состоянии.

В данной статье отражены результаты исследования развития языка права, моделей правовых и законодательных текстов, поэтапного формирования понятия «закон». При написании статьи применяются методы и подходы, традиционные для русистики и юридической лингвистики.

В качестве материала исследования, наряду с работами лингвистов, правоведов и представителей других наук, используются правовые тексты XI – XX веков и современные российские законы. Правовые источники анализируются на базе Отчета о научно-исследовательской работе «Основные законы XI – XXI вв.: тысячелетие российского законодательства (памятники русского права с комментариями специалистов)» Института российской истории РАН, а также текстов, размещенных в открытом доступе в справочных правовых системах «Консультант Плюс» и «Консультант Плюс Регион».

2. Виды и цели законов. История законодательных текстов начинается задолго до появления не только понятия «закон» и дошедших до нас правовых текстов, но и появления письменности вообще. По мнению специалистов, исследующих историю права, закон «вырос» из племенных обычаев первобытных обществ («неписаного обычного права»), в которых были отражены биологические и обрядово-ритуальные предпосылки [Пиголкин 1972: 29; 1990: 44; Сильченко 1993: 7-10; Криков 2017: 20].

После формирования обычая, устанавливающего порядок каких-либо действий в определенной ситуации или, наоборот, запрет на какие-либо действия (табу), а также порядок наказания за нарушение обычая или табу, сообщение приобретает вид «ритуализированной формулы» (понятие используется след за Ю.М. Лотманом [1992: 13]), дважды закодированной: сначала на естественном языке, а после на специальном «вторичном» языке, с помощью которого достигались цели регулирующего общения.

На этапе корреляции естественного и «вторичного» языков, разных коммуникативных целей происходит образование функционального текста, содержащего «зачатки» текста правового. Особое значение имела письменная фиксация такого текста, поскольку данная форма предполагала ритуальную сакрализацию текста и передачу его от поколения к поколению, сохранение в коллективной памяти.

Если вначале правовые наставления были тесно переплетены с верованиями, мифами, религиозно-моральными нормами, обычаями и традициями, в дальнейшем противопоставление правовых, этических и религиозных обычаев способствовало тому, что нарушение права постепенно стало ассоциироваться не с моральными или религиозными проступками, обычаями как источниками «неписанного» закона, а, прежде всего, с определенным письменным текстом, в котором были установлены общеобязательные правила и ответственность (наказание) за нарушение данных правил.

Анализ памятников русского права показывает, что первые образцы правовых текстов были чрезвычайно разнообразны и, безусловно, не обладали уникальными свойствами и формой современных законов, но имели сходную с ними цель – изъявление воли определенных лиц, наделенных властными полномочиями, с помощью установления письменных предписаний правового характера и регулирования общественных отношений.

Князья, русские цари, а затем российские императоры издавали не «законы», а акты, именовавшиеся правдами, уставными грамотами, судными грамотами, судебниками, уставами, установлениями, посланиями, указами, наказами, уложениями, положениями, регламентами, манифестами, мнениями и др.

Первым правовым сводом традиционно считается «Русская Правда», источниками которой называются восточнославянские обычаи, общинное право, «уроки» и «уставы» русских князей, рецепция византийского и скандинавского права [Зимин 1999; Косова 2017; Милов 1989; Селищев 1957; Тихомиров 1941; Яшин 2019: 73].

«Русская Правда» существовала в трех хронологических редакциях: первоначальной Краткой (XI век), посвященной уголовному и процессуальному праву; Пространной (XII-XIII века), включающей положения Краткой Правды и новые положения о наследственном и торговом праве; и Сокращенной (после XV века), представляющей собой актуализированный вариант Пространной Правды, образованный с помощью исключения устаревших положений.

Существование разных хронологических редакций – свидетельство того, что «Русская Правда» не была застывшим сводом правовых текстов, наоборот, общеобязательные правила, отдельные предписания уточнялись и переписывались с учетом менявшихся условий. Но главное – в «Русской Правде» система норм была представлена в единстве и целостности. Такой прием уточнения закона (с одновременным сохранением его единства и целостности) применяется и в настоящее время.

Яшин А.Н. отмечает, что «идея Правды» укоренилась в русской ментальности еще в догосударственный период (*судить по Правде, праведный суд, праведник, правота, правый*), а закону была отведена второстепенная роль, им именовались определенные нормы, регулирующие в частности договоры Руси с Византией [Яшин 2019: 64, 85]. После принятия христианства понятие *закон* наполняется нравственно-этическим содержанием – законами именовались заповеди Божьи. Укрепление понятия закон как повелительного правила, содержащего санкцию государства за неисполнение волеизъявления, происходит с принятием Судебников 1497 и 1550 годов. *Правда* начинает толковаться как справедливость, а *законом* называется государственная воля, исходящая от государства правила (там же, с. 88-89).

По исследованию Поповой Л.В., в XVIII веке синонимом по отношению к термину *закон* выступает понятие *права* (мн. число) в значении «юридические акты»: *права и уставы, нарушитель государственных прав, права повелевают* [Попова 2007: 16-18]. В Наказе Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового Уложения (1767-1768 гг.) права делятся на три вида: законы, учреждения временные и указы (по сути, понятия права и законы соотносятся в качестве родовидовых). Несмотря на это, как отмечает В.Н. Латкин, любое административное распоряжение, исходившее «непосредственно от верховной власти», было равнозначно закону [Латкин: 2004: 6].

В XVIII – XIX вв. появляются работы, отражающие взгляды на природу, цели, свойства и качество юридического закона, связи его с естественными (физическими), нравственными и религиозными законами: «Размышления о законодательстве вообще» и «О законах» М.М. Щербатова, «Опыт о законодательстве» А.Н. Радищева, «Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России» и Докладная записка императору «Введение к уложению государственных законов (план всеобщего государственного образования)» и другие работы М.М. Сперанского, «Краткая теория законов» и «Начертание теории законов» Л.А. Цветаева, «Руководство к познанию российского законоискусства» З.А. Горюшкина и др.

К общему предмету юридического закона относят правила, «по коим надлежит поступать во всех случаях одного и того же рода», «всегда в делах сего рода» [Сперанский 2002: 69, 287].

Б.Н. Чичерин называет юридический закон существенным признаком государства и его нравственным выразителем, к ключевым признакам закона относит обязательность и принудительность [Чичерин 1861; 2006: 33].

Коркунов Н.М., сопоставляя юридические законы с естественными, подмечает, что юридические законы «не выражают того, что есть, а указывают лишь то, что должно быть», законы естественные, наоборот, выражают «не должное, а сущее» [Коркунов 2003: 71-75].

По мысли А.П. Куницына, слово закон по своему производству означает преграду, «далее которой что-либо простираться не должно и не может» [Куницын 1997: 53, 54]. Границы свободы определяются тем, кто устанавливает правовую норму [Трубецкой 1917: 11].

С точки зрения конкретной цели, частного предмета и специфики формального выражения предлагаются различные классификации законов, в частности деление законов на виды:

- основные, учредительные, уставные, государственные, гражданские [Сперанский 2013: 300, 301];

- основные (конституционные) и простые (обыкновенные), общие и местные, общие и специальные (по ситуациям и лицам) [Трубецкой 1917: 11];

- по степени важности (основные – «первостепенной важности, служащие фундаментом всей государственной жизни» и обыкновенные); по пространству действия (общие и местные); объему (общие и специальные); логическому характеру (общие и исключительные): признаку исключительности: временные исключительные (например, о чрезвычайном положении), индивидуальные (о привилегиях для какого-л. лица), сепаратные (однократные разрешения на какое-л. действие) [Михайловский 1914: 308, 313].

Чичерин Б.Н. подразделяет законы по видам на гражданские, определяющие права и обязанности отдельных граждан, и государственные, определяющие устройство и деятельность государства; по форме: узаконения, своды и уложения (уставы); по степени юридической силы: основные, обыкновенные (развивающие положения основных), нижестоящие постановления и распоряжения; по действию в пространстве: общие и местные [Чичерин 2006].

В Своде Основных государственных законов (действовавшем с 1832 года по 1917 год) под законами понимаются уложения, уставы, учреждения, грамоты, положения, указы (инструкции), манифесты, указы, мнения, доклады. Данные документы, по отношению к которым было применено объединяющее понятие «закон», также могут быть классифицированы: по степени важности (основные и обыкновенные), территории / пространству действия (общие, действующие на всей территории государства, и местные, действующие на определенной территории государства), типовым моделируемым ситуациям или определенным категориям лиц (военные, гражданские, законы-привилегии и т.д.).

XX век характеризуется не только замещением одних правовых текстов другими, но и эволюционированием модели законодательного текста. Уточняются специфика предмета закона (содержательное наполнение), формальные признаки, отличающие закон от подзаконных актов, особенности коммуникативных ситуаций, в которых происходит создание текста закона.

В революционный и ранний послереволюционный периоды принимались кодексы законов (например, Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 г., Кодекс законов о труде 1920 г.), кодексы (Уголовно-Процессуальный Кодекс РСФСР 1922 г., Земельный Кодекс РСФСР 1922 г.), а также узаконения, под которыми понимались декреты, постановления, а также отдельные статьи из них (Декрет о Рабоче-Крестьянской Красной армии 1918 г., Положение о Народном суде 1920 г.; Декрет о морском транспорте 1921 г., Положение о Народном комиссариате юстиции РСФСР 1929 г., Постановление о переименовании Нижегородской области в Нижегородский край 1929 г. и др.). Предметом узаконений было не только первичное регулирование, но и внесение изменений в ранее принятые акты.

Тексты кодексов и узаконений принимались и изменялись сначала постановлениями ВЦИК, а затем указами Президиума Верховного Совета РСФСР (см. например, Постановление ВЦИК от 25.05.1922 «Об Уголовно-Процессуальном Кодексе», указы Президиума ВС РСФСР от 18.08.1966 г. «О внесении дополнений в статью 142 Уголовного кодекса РСФСР», от 18.08.1972 «О внесении изменений и дополнений в Закон о судостроительстве РСФСР»).

Кодекс законов (кодекс) представлял собой единый текст, в котором выделялись структурные части. Например, Кодекс законов о труде состоял из 9 разделов (о трудовой повинности; о праве на применение труда; о порядке предоставления труда, о предварительном испытании, о переводе и увольнении трудящихся, о вознаграждении за труд и др.) и 5 приложений, в которых были изложены различные правила (о трудовых книжках, еженедельном отдыхе и праздничных днях и проч.).

Наряду с кодексами законов, кодексами и узаконениями принимались отдельные законы (сводные законы): Закон о трудовом землепользовании (1922 г.), Закон об обязательной военной службе (1925 г.), Сводный закон о реквизиции и конфискации имущества (1927 г.), Горный закон РСФСР (1928 г.) и др. Как и кодексы, названные законы имели деление на структурные единицы (разделы – пункты – подпункты – приложения). К законодательным актам также относились нормативные постановления Съезда народных депутатов РСФСР, нормативные постановления Верховного Совета РСФСР, нормативные указы и постановления Президиума Верховного Совета РСФСР. В качестве Основного Закона рассматривалась Конституция.

Анализ документов советского периода показывает частотность законов «смешанного» характера, которыми одновременно осуществлялись разные институциональные действия: утверждение документа (документов) и внесение изменений в ранее утвержденный документ; утверждение документа (документов) + внесение изменений + признание закона утратившим силу в целом или в части; и т.п. Примеры: Об утверждении Положения о Верховном Суде СССР и о внесении изменений и дополнений в статьи 104 и 105 Конституции (Основного Закона) СССР (закон СССР от 19.02.1957); Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета РСФСР и о внесении изменений в статью 69 Конституции (Основного Закона) РСФСР (закон РСФСР от 11.06.1964).

В случае, если предполагалась существенная переработка текста закона, принимался закон в новой редакции. В текстах законов такого рода использовалась специальная формулировка: *внести в (указывались сведения о законе, источники опубликования) изменения и дополнения, утвердив новую редакцию указанного закона* (см., например: Закон СССР от 19.04.1979 № 9-Х «О внесении изменений и дополнений в Закон СССР "О порядке отзыва депутата Верховного Совета СССР"»).

В постсоветский период законодательное пространство строится с соблюдением иерархической дискретности и родовидовой взаимосвязи автономных текстов, объединенных в отдельные классы по предметно-тематическому признаку. Линейная последовательность принятия законов передается с помощью реквизитов (порядковой нумерации, дат подписания), предметная взаимосвязь отражается в названиях и межтекстовых ссылках. Под юридическим законом понимается акт законодательной власти, утвержденный (подписанный) главой государства или главой субъекта федерации.

Иерархия российских законов обусловлена различием большей или меньшей «юридической силы», приоритетности одних законов перед другими. В качестве основания различия юридической силы может быть рассмотрена обобщенность изложения содержания законодательной нормы: чем выше степень обобщенности, тем выше по статусу (приоритетнее) закон, и наоборот, если нормы закона конкретизируют содержание других более общих законодательных норм, то юридическая сила таких законов меньше.

Исходным текстом, обеспечивающим целостность и единство российского законодательного пространства и содержащим не просто нормы права самой высокой степени обобщения, а основополагающие правовые принципы и концепты, является Конституция РФ. Это «основной закон», в котором отражены базовые параметры организации российского государства и общества, сконцентрированы ключевые принципы российского права и различные слои правовой информации.

Иные законы (и шире – правовые тексты) в большем или меньшем объеме развивают тематическую структуру Конституции, выраженную в конституционных нормах и принципах, в связи с чем можно говорить о том, что текст Конституции является прецедентным для иных законодательных текстов и обеспечивает их системное единство. О том, что текст закона развивает конституционные положения, может быть сделана оговорка в специальной статье, например: *Правовое регулирование функционирования внеуличного транспорта основывается на Конституции Российской Федерации* (Федеральный закон от 29.12.2017 № 442-ФЗ).

Иные федеральные законы, в зависимости от позиционируемой значимости и места в иерархии законов, могут быть расположены в следующей последовательности: законы РФ о поправке к Конституции РФ, федеральные конституционные законы, основы законодательства, кодексы, другие федеральные законы (Законы Российской Федерации, федеральные законы). Большую часть законодательного массива составляют законы, вносящие изменения в тексты ранее принятых законов.

Как и в советский период, кодифицированные тексты: основы законодательства, отраслевые кодексы – отличаются от текстов иных законов большим объемом и усложненной структурной, в них систематизированы общие положения правового регулирования какой-либо одной сферы общественных отношений: трудовой, жилищной, лесной, водной, уголовной, таможенной и т.д.

Если в федеральных законах установлены правила, обязательные для применения на всей территории государства, то содержание региональных законов составляют правила, применяемые на территории определенного субъекта федерации (республики, края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа).

Тексты региональных законов эксплицируют общую конституционную концепцию и являются проекцией федеральных законов, поскольку главным образом развивают их предметное содержание. С точки зрения иерархии, выделяются следующие классы региональных законов: конституция республики (устав – в иных субъектах федерации), законы о внесении поправок в конституцию (устав), конституционные законы республики, кодексы, иные региональные законы. Тексты конституции или устава являются прецедентными для текстов иных региональных законов соответствующего субъекта. Как и на общегосударственном уровне, особым статусом наделяются кодексы.

Несмотря на уточнение природы закона – что представляет собой закон и каким он должен быть – в практике российского законодательства такие свойства закона, как нормативность и регулирование наиболее важных общественных отношений, понимаются относительно (особенно в 90-е годы прошлого века). Тексты некоторых законов и по содержанию, и по построению напоминают указы или ведомственные инструкции, т.е. акты не законодательной, а исполнительной власти.

Сравните, для примера, Закон РФ от 02.07.1992 № 3183-1 «Об учреждении медали "Защитнику свободной России"» и Указ Президента РФ от 09.07.2007 № 852 «Об учреждении медали "За развитие железных дорог"». По образцу текстов указов написан Федеральный закон от 28.12.1995 № 219-ФЗ «О материальном обеспечении и медицинском обслуживании вдовы Д.А. Волгогонова», в котором волеизъявление и императивность передаются с помощью инфинитивных предложений, а передаваемая информация конкретизирована данными об определенном человеке, на которого распространяется действие закона (хотя нормы закона должны распространяться на неопределенное количество лиц).

С другой стороны, в настоящее время только законами ратифицируются договоры. С предметно-содержательной точки зрения, такие тексты не являются новшеством современного юридического дискурса, наоборот, имеют многолетнюю историю развития. Но в предшествующий (советский) период ратификация осуществлялась не с помощью законов, а с помощью постановлений и указов: до 1937 г. – постановлений Президиума ЦИК СССР; с 1938 по 1989 гг. – указов Президиума Верховного Совета СССР (за исключением Договора о ненападении между СССР и Германией, который был ратифицирован постановлением Верховного Совета СССР); с 1989 по 1991 гг. – постановлений Верховного Совета СССР.

В качестве примеров приведем постановление Президиума ЦИК СССР от 07.03.1928 «О ратификации акта присоединения правительства Союза ССР к протоколу о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых и других подобных газов и бактериологических средств», постановление Верховного Совета СССР от 02.04.1991 № 2078-1 «О ратификации Соглашения между СССР и ФРГ о некоторых переходных мерах».

При оформлении российских законов о ратификации и советских постановлений (указов) о ратификации применяются сходные шаблоны, отличающиеся: объектом ратификации (соглашение, договор, конвенция и др.); количеством ратифицируемых документов; наличием / отсутствием вводной («постановительной») части, а также дополнительной информации об обстоятельствах одобрения, подписания и ратификации.

В связи с тенденциями дальнейшего развития моделей текстов законов и унификацией законодательных форм, особого рассмотрения заслуживает типология современных российских законов, осуществляемая на основе таких законодательных целей, как:

нормоустановление – создание и законодательное закрепление правовых норм, лежащих в основе регулирования тех или иных сфер общественных отношений;

нормоизменение – трансформация законодательно закрепленных правовых норм в связи с необходимостью изменения аспектов регулирования общественных отношений либо устранения выявленной несогласованности норм одного закона или разных законов друг с другом;

норморазъяснение – уточнение каких-либо аспектов введения правовой нормы в пространство законодательных текстов или бытования ранее законодательно закрепленной нормы в этом пространстве, устранение неоднозначного понимания и применения данной нормы (возможности такого понимания и применения в перспективе) и возникающих в связи с этим «сбоев» в регулировании общественных отношений;

нормоприостановление – признание правовой нормы, закрепленной в законе, временно не действующей, обусловленное какими-либо обстоятельствами, при которых регулирование тех или иных аспектов общественных отношений невозможно либо нецелесообразно;

нормоотмена – исключение правовой нормы (в целом закона) из пространства законодательных текстов в связи с утратой необходимости регулирования общественных отношений определенного вида с помощью данной нормы (данного закона).

3. Некоторые особенности языка права и терминологии законов. Если в Европе языком церкви, науки и права признавался латинский, то на Руси, начиная с Киевского периода и до конца XVII века, языком книжности был старославянский. Благодаря принципу калькирования, т.е. буквальному переводу греческих слов, старославянский язык обогащался множеством отвлеченных понятий и

научных терминов [Щерба 1957: 117; Виноградов 1978: 18].

При этом обычное право и делопроизводство были тесно связаны «с традициями живой восточнославянской речи, и не могли не приспособить славянской системы письменного изображения речи для своего закрепления» [Виноградов 1978: 20]. Длительный период деловой юридической язык был восточнославянским по своему характеру [Аванесов 1978: 90], идейно русским и национально самобытным [Яшин 2019: 93].

В частности, С.П. Обнорский существенной чертой «Русской Правды» назвал «близость к разговорной стихии речи» [Обнорский 1960: 142]. По словам В.В. Виноградова, в языке «Русской правды», встречаются скандинавизмы, тюркизмы, однако почти полностью отсутствуют церковнославянизмы [Виноградов 1978: 20].

При написании текста «Русской Правды» использовались главным образом понятия, обозначающие обычаи и быт восточных славян, с высокой семантической конкретизацией (*лодьа* – лодка; *куря* – куропатка; *гумно* – сарай для хранения зерна; *мир* – община; *извод* – свидетельство 12 человек; *заклучить и на торгу* – объявить о совершившемся преступлении в людском месте; *вира* – штраф за убийство князя; *дикая вира* – штраф, выплачиваемый общиной за преступника; *видоки и послухи* – категории свидетелей; *уборок* – мера сыпучих тел; *голважня* – единица измерения соли).

На основе наименований, используемых в «Русской Правде», можно составить представление о различных сословных категориях населения, степени свободы человека: *князь*, *боярин*, *огнищанин* (управляющий княжеской вотчиной), *тиун* (управляющий княжеским или боярским имением), *гридин* (представитель боевой дружины), *детский* (младший дружинник), *отрок* (младший дружинник или служащий), *купчина* (дружинник, занимающийся торговлей), *мечник* (сборщик штрафов), *муж* (любой свободный человек), *челядин*, *холоп* (раб), *обельное холопство* (пожизненное рабство), *закупное холопство* (временное рабство), *роба* (холоп женского пола), *смерд* (крестьянин-земледелец) и др.

Положения о наказаниях за нарушение норм поведения формулировались лаконично на основе двух-, трех- или четырехэлементных условных синтаксических конструкций:

«Если – то»: *Если кто поедет на чужом коне без спроса, то платить три гривны штрафа;*

«Если 1 – если 2 – то»: *Если же ударит мечом по руке и рука отвалится или усохнет, то 40 гривен;*

«Если – то – иначе»: (Если) *А кто повредит бороду (1) и останутся следы этого (2) и будут свидетели (3), то 12 гривен штрафа князю; (иначе) если же свидетелей нет (1) и обвинение не доказано (2), то штрафа князю нет.*

(Примеры приводятся по тексту «Русской Правды», переведенному М.Б. Свердловым, см.: Отчет о НИР Основные законы (XI-X).)

Федорченко Е.А. при исследовании текстов таможенной сферы отметила, что со времени зарождения российской государственности основным источником номинации в данной сфере была исконная лексика русского языка, а одними из самых древних слов таможенной сферы были названия торговых пошлин: *мыт*, *тамга*, *костки*, *пошлина* («что идет, пошло съ товару»), а также образования от них: *мыто*, *мытник* (сборщик мыта), *мытница* (место взимания мыта), *таможня* (от тамга), *головная пошлина*. В качестве номинации пошлин, как правило, употреблялись субстантивированные прилагательные среднего рода: *осьмниче*, *гостиное*, *порядное*, *проезжее*, *узольцовое*, *роговое* и др. [Федорченко 2004: 11-13].

По мнению Лыковой Н.Н., центральным в правовых текстах X-XV вв. является концепт «Правосудие», объективируемый с помощью простых и составных терминов различных предметно-тематических групп: юрисдикция (*княжчина/земля княжая*, *посад*, *город*, *вотчина*, *присуд*), судебные учреждения (*суд княж*, *суд владычный*, *волостной*, *городской*, *посадничий*, *суд торговый*), субъекты права (*княж муж*, *слуга дворный*, *свободен муж*, *людин*, *холоп*, *челядин*, *смерд*), виды преступлений (*татьба*, *грабеж*, *порубка*, *разбой*, *наход*, *посул (взятка)*), наименования вреда, ущерба (*обида*, *пагуба*, *протор*), иск (*жалоба*, *челобитье*), расследование (*исправа*), розыск, допрос (виды пыток: *батогы*, *дыба*, *кнут*), судебное разбирательство (вызов в суд: *позов*, *позовка*, *позывати*, *звати на суд*); судебный процесс: *судом судити*, *судище*, *судитися*, *суженое*, *дати правду*; лица, участвующие в судебном процессе: *судья (волостной, городской, земский, княжеский)*, *истец / ищя (и для истца, и для ответчика)*; *видок*, *послух*, *свидетель*, *поручник*, *люди*; обвинение: *вынести виру*, *повинити*; ложные обвинения: *клепати*, *облыгати*, *поклеп*, *прирок*, *наводить наводки*; решение суда: *судница дати*, *судная грамота*), наказание (*казнь*, *убиение за голову*, *вира*, *поток*, *оземствование*) [Лыкова 2005: 16-34].

В числе распространенных способов терминообразования Лыкова Н.Н. называет суффиксацию и префиксацию (*добыток*, *заездник*, *заездчик*, *материзна*, *мостовщина*, *месячина*, *полюдь*), субстантивацию глаголов, причастий, прилагательных, числительных (*приезд*, *дар*, *мостовое*, *конево*, *десятина*, *десятое*, *пятина*), семантическую деривацию общенародных слов (внутриязыковое заимствование). С точки зрения частеречной принадлежности, отмечает преимущественность существительных, глаголов и прилагательных. К числу закономерностей относит полифункциональность и вариативность написания терминов (*истец / ищя*, *рота / рута*, *судебница / судебня*, *турюма / турма*), синонимию и дублетность (*княжчина / земля княжая*, *выдати на поток / оземствовати*), метафоричность (*след знати*) и выраженность коннотативных значений (*добрые люди*, *лихое дело*, *лихой человек*, *клепати*, *послушествовати лживо*) (там же).

Язык грамот, договоров, завещаний, долговых расписок, перечней повинностей и других записей хозяйственного и юридического характера эпохи Киевской Руси «не всегда отражал непосредственно живую речь», с течением времени вырабатывались застывшие повторяющиеся формулы, далекие от живого языка [Виноградов 1978: 22]. В текстах грамот широко применялись устойчивые формулы начала и конца текста, передающие предмет сообщения и его цель [Мещерский 1995: 39, 40].

Обобщая результаты исследования языка ранних обычно-правовых текстов, А.В. Десницкая в качестве определяющих называет следующие параметры синтаксического построения данных текстов: преимущественное употребление сложных предложений с выраженным условием; включение в текст готовых лаконичных формул обычного права, их соотношение со сложными синтаксическими построениями; большую или меньшую степень наличия в тексте «конструкций, свойственных в то время разговорной речи» [Десницкая 1983: 65-66].

Факт создания с помощью указанных средств «целого комплекса расчлененных формулировок», в которых дискретно и эксплицитно было выражено содержание многообразных жизненных ситуаций правового характера, являлось, по мнению А.В. Десницкой, «индивидуальным творческим достижением кодификатора», имеющим значение как для развития права, так и для генезиса литературно-языковой традиции (там же).

В связи с образованием Московского государства усиливается влияние московского делового письменного языка, формируемого в московских канцеляриях (приказах) [Винокур 1959: 111; Якубинский 1986: 131-132]. Московский деловой (приказный) язык был языком «специального назначения», использовался «для обслуживания лишь определенных, специфических, сторон общественной жизни – всякого рода деловых отношений», это обуславливало его особенности: регламентацию, односторонность словарного состава, однообразие синтаксиса [Якубинский 1986: 159]. На московском приказном языке создавались не только своды

правовых текстов, договоры, но и велась корреспонденция правительства, писались статьи, книги политического, географического, исторического содержания, лечебные и поваренные книги, осуществлялись переводы с латинского, польского и немецкого языков. В отдельных своих жанрах московский приказной язык «почти сливался с живой разговорной речью средних слоев общества» [Виноградов 1978: 32] и «гораздо свободнее литературного языка отражал грамматические процессы, происходившие в ту пору в живых говорах Московского государства» [Винокур 1959: 112].

По мнению Б.А. Ларина, постепенное усиление централизации административной системы способствовало единообразию административной терминологии, единству основных норм деловой письменности, однако в «в земских избах», на периферии государства (псковских, новгородских, холмогорских и др.), несмотря на боязнь «подьячего получить взыскание за малограмотность от царских дьяков, которые будут читать царю его свиток», местные и социальные диалектизмы неизбежно «прорываются» в язык делопроизводства [Ларин 1977: 168, 175].

О наличии в документах локальных диалектизмов делает вывод и Попов Е.Ю., исследующий лексику судебного делопроизводства Приенисейской Сибири XVII в. По наблюдению ученого, памятки деловой письменности допетровской эпохи содержат как книжно-литературные элементы (старославянизмы, отглагольные существительные, юридические формулы), так и, хотя в меньшей степени, восточнославянские лексические единицы, отражающие живую народную речь: *делать деньги, бражничать* (местн.); *винокурщик* вместо *винокур* (употребимого в Соборном Уложении 1649 г.), *оплошка* вместо старославянского *нерадение* [Попов 2018: 9-10, 13].

По подсчетам Попова Е.Ю., номинации со значением предметности (*бражник, пытка, ссылка, лихо, челобитная, тюрьма*) преобладают над номинациями со значением процессуальности (*волочить, приписывать, расспросить, украсть, допросить, поклепать*); наибольшее число номинаций обозначают разновидности преступлений, документов, доказательств, процессов совершения преступлений, вынесения приговора, хода расследования; наряду с простыми наименованиями (*вор, вина*) используются составные, обладающие семантической слитностью (*держать в тюрьме, учинить наказание, дать на поруки, бить челом, завести мечь, известное дело, расспросить порознь накрепко*) (там же: с. 18-19).

Употребляемая юридическая лексика характеризуется тенденцией к стандартизации, многозначностью, основанной на метонимическом переносе (процесс – документ, содержащий результаты процесса: *расспросные речи, допрос, сыскное дело, явка*); дублетной синонимией (*измена – изменное дело, бой – побои, взятка – посул – принос – посульные запросные – посульные деньги*); единичными примерами антонимов (*ответчик – истец, виноватый – правый*) (там же).

По исследованию Ганьковой Е.Г., памятки деловой письменности XVII – XVIII вв., несмотря на внутристилевую дифференциацию, обладают общими признаками: строятся по определенному шаблону; имеют фиксированный формуляр начальной и финальной частей документа (основной лексический материал, передающий предметное значение, сосредоточен в центральной части документа); характеризуются набором устойчивых выражений и форм (клише и клаузул), способов сокращения слов; содержат не только юридические, канцелярские и другие термины, но и лексику обиходно-бытового характера, в том числе диалектизмы, слова с уменьшительными суффиксами [Ганькова 2006: 5-7, 10, 14].

Важный этап развития языка права связан с преобразованиями Петра I, который обратился к московскому деловому языку, доступному и понятному для широких слоев общества, ранее уже подвергнутому литературной обработке и получившему общегосударственное значение [Якубинский 1986: 159]. По мысли Подъяпольской Е.П., «законодательство» Петра I представляло собой собрание указов, выраженных в «эпистолярной форме» [Подъяпольская 1974: 64]. Принимаются Артикул воинский, Генеральный регламент, Табель о рангах.

В Петровскую эпоху деловая письменная речь отражала «начинающуюся европеизацию русской научно-технической и бытовой культуры» [Винокур 1959: 113], влияние западных языков, прежде всего, латинского, немецкого, французского и, в меньшей степени, английского, голландского, итальянского, «давших русскому языку всю массу интернациональных слов и богатую научную и техническую терминологию» [Щерба 1957: 118].

В связи с реализацией «диалога между русской и западной культурами» [Лотман 2016: 230] усиливается значение интернациональной научной терминологии, образуемой посредством буквального перевода, калькирования, подбора слов, соответствующих тому или иному понятию.

Заемствованные при правовой рецепции конструкции первоначально употреблялись параллельно с исконными, а затем вместо них. В качестве примера приведем толкования, которыми сопровождалась заимствованная лексика в Генеральном регламенте 1720 года: *интерес – прибыль и польза, апробируется – за благо приемлется, рекомендации – прошение об одном к другому* [Отчет о НИР, 2013: 505-542]. В дальнейшем синонимия терминов была устранена: вместо исконной лексики (*прибыток и польза, за благо приемлется, прошение об одном к другому*) стала использоваться заимствованная (*интерес, апробируется, рекомендации*).

Федорченко Е.А., исследующая историю терминологических номинаций таможенного права данного периода, проводит такие примеры лексических замен: *потаянный провоз товаров* → контрабанда, *накладные росписи* → фактура, *свод таможенных окладов* → реестр таможенных окладов [Федорченко 2004: 14].

В дальнейшем книжные традиции создания деловых документов, по мнению Косовой М.В., проявлялись в использовании однотипных вербально-цифровых обозначений пространственно-временных координат (*сего 1735 году января 16 дня...*), ссылок на источник информации, подчеркивающих ее достоверность и точность, деловых клише (*имеет быть надлежащее по указу ее императорского величества решение*), отглагольных существительных (*выполнение, ведение, рассмотрение, определение, исполнение, оказание* и др.), официальных наименований видов документов, мероприятий, должностей (*доношение, ордер, грамота, сбор, генерал-майор*) [Косова 2015: 438].

Истратий В.В. отмечает не только широту употребления однословных обозначений, известных еще с допетровского времени (*закон, право, правило, адвокат, апелляция, юриспруденция, договор, контракт, сделка, челобитная, власть, преступник, вор, разбойник, казнь, обида, воровство, расправа, татьба, купчая, челобитная, измена, клятва, суд, свидетель, иск, приговор, брак, подать, сбор, побор, пошлина, налог*), но и закрепление новых значений слов, происходящее с помощью дифференцирующих определений (*власть законодательная, власть совершительная, власть судебная; дело тяжёлое, дело законопредлагаемое, дело обязательное, дело уголовное, дело криминальное, дело смертное; право народное, право личной безопасности, право вольности, право собственности имений; движимое имение, недвижимое имение, конфискование имения; десятинный сбор, канцелярский сбор, почтовый сбор, бутылочный сбор*), а наиболее продуктивной моделью создания словообразовательных неологизмов называет сложение слов: *законознание, законоизложение, законоположение, законопостановление, законоискусство, судопроизводство, землевладение, клятвopеcтyплeниe, cмepтoубийcтвo, cмepтoубийцa* и т.д. [Истратий 2018: 9-10, 14, 21].

К наиболее частотным, по мнению Истратий В.В., относились слова на -ние (*злodeяниe, oскopблeниe, имениe, уложениe*,

узаконение, преступление, разорение, убиение, умерщвление), -ость (вольность, должность), -ство (общество, убийство, смертоубийство), -тель (свидетель); и наоборот, «выходило из употребления» словообразование при помощи суффикса -щин- (амбарщина, подымщина, мостовщина), а также образование субстантивированных прилагательных среднего рода на -ное/-ое (подворное, дымовое, поземельное) (там же, с. 22).

Начальный советский период характеризуется привнесением в русский язык нового пласта интернациональной политической терминологии, непонятной «для человека из народа, к которому направлялись слова вождей революции»: *базис, надстройка, финансовая олигархия, классовая дифференциация, великодержавный шовинизм, генеральная линия партии, пролетариат, коллективизация, оппортунизм, индустриализация* [Фесенко 2009: 181-184], а также широким применением сокращений: *компартия, партком, колхоз, совхоз, профсоюз, райполеводсоюз, двадцатипятидесятничник, хлебозавод, агитпункт, сберкасса, автотранспорт, Союзпечать, Заготзерно, Наркомобщмаш, ЦК – Центральный Комитет* и др.

В связи с детализацией аспектов отраслевого регулирования в законах закрепляются пласты специальной терминологической лексики, разнородной по семантике, структуре и частеречной принадлежности. В качестве примера приведем термины Горного закона Р.С.Ф.С.Р. (1928 г.): *горный промысел, горное богатство, недра, полезные ископаемые, залежание породы, месторождение, горнопромышленник, поискатель, право первооткрывателя, поисковые работы, учреждения, ведающие недрами, горно-промысловый надзор, маркшейдерский надзор* и др.

Развивается дореволюционная традиция обозначения всех слов многословных особо значимых наименований с прописных букв. В советских правовых текстах такая традиция способствует аббревиации, используется применительно к наименованиям органов власти (организаций, должностей, правовых актов), словам, употребляемым как в единственном, так и во множественном числе.

Приведем примеры из Кодекса законов о труде (1920 г.): *Народный Комиссариат Труда, Советы Профессиональных Союзов, Народные Комиссариаты Земледелия и Труда, Отдел Охраны Труда Народного Комиссариата Труда, Районный Пункт Обмена Отдела Распределения Рабочей Силы*; из текста Декрета о Народном Суде (1920 г.): *Народный Суд – Народные Суды, Народные Заседатели, Постоянный Народный Судья, Народный Комиссариат Юстиции, Губернский исполнительный Комитет Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов*. Для усиления значимости с прописной буквы указывается определение «советское»: *Советские учреждения, Советский строй*.

Современный законодательный процесс, в ходе которого формируются и принимаются законодательные тексты, ни что иное как зафиксированный и поддерживаемый, но, вместе с тем, развивающийся обычай принятия закона. Основные изменения в языке, произошедшие на рубеже XX-XXI веков, и нашедшие свое отражение в законодательных текстах, являются прямым следствием смены общественно-политической парадигмы, а также системы понятий, определяющих преобладающую в обществе систему ценностей.

Отмечается перераспределение слов активного и пассивного запаса: советизмы уходят в прошлое, возвращена дореволюционная терминология (*лицей, гимназия, господин, губернатор, мировой судья, полиция, акцизы* и проч.); активизировано заимствование отраслевых терминов европейского права, при этом преобладают заимствования из английского языка (*балкер, аваль, бербоут-чартер*).

Изучение понятийно-терминологического состава текстов российских законов в предметно-содержательном аспекте предполагает выделение групп понятий и терминов, отражающих как общеправовую (интернациональный), так и национально-правовую, а также «отраслевые» компоненты.

В зависимости от сферы регулирования, наряду с общенаучными понятиями (*объект, предмет, субъект, метод*) и общеотраслевыми юридическими понятиями (*закон, норма, полномочия, ответственность* и др.), в текстах современных законов используются группы понятий и терминов частных отраслей права. При этом если состав общенаучных и общеотраслевых юридических понятий не зависит от правовой отрасли, то состав отраслевых понятий и терминов обусловлен предметом закона.

В «отраслевых» законах превалирует лексика, выражающая наиболее значимые понятия регулируемой области правоотношений. В качестве примеров приведем термины гражданской отрасли (*гражданин, физические лица, юридические лица, правоспособность, дееспособность, несовершеннолетние, опека и попечительство, банкротство, коммерческие организации, гражданский оборот, объекты гражданских прав (имущество, валютные ценности, недвижимость, ценные бумаги, нематериальные блага, деловая репутация), сделки, право собственности, вещные права, обязательства, договоры (купля-продажа, мена, бартер, дарение, рента, аренда, найм, безвозмездное пользование, подряд, перевозка, банковский вклад, хранение, страхование), интеллектуальная собственность, авторское право, патентное право, наследование, завещание* и др.).

В текстах законов, регулирующих судебную сферу, используются общенаучные понятия (*субъект, объект, методика, цель, анализ*), общеправовые понятия (*права и свободы, ответственность, обязанность*), понятия / термины, обусловленные сферой рассматриваемых правоотношений (например, гражданского права: *должник, аукцион, отчуждение имущества, юридическое лицо*), понятия процессуального права (*суд, иск, ходатайство, предмет спора, истец, ответчик, третьи лица, судебное заседание* и др.).

В зависимости от предмета закона в качестве юридических понятий и терминов могут употребляться понятия и термины различных областей технического и гуманитарного знания (экономики, биологии, лингвистики и др.). Например, в Федеральном законе «О биологической безопасности в Российской Федерации» (от 30.12.2020 № 492-ФЗ) в качестве основных определены следующие понятия: *биологическая безопасность, биологическая угроза, патогены, штамм, микробиота, инфекция, инфекционная болезнь, синтетическая биология, иммунодефицитное состояние* и др.

Не менее значимы, чем термины, юридические клише, отражающие приверженность сложившимся стандартам трансляции правовой мысли и являющиеся неотъемлемыми элементами законодательных текстов, формирующие их жанрово-стилевую специфику. Данную мысль подтверждает сопоставление законов, принятых в дореволюционный и постсоветский периоды. Прошло более века, произошла смена государственных режимов, но практически неизменными (за исключением орфографии, порядка слов, устаревшей, вышедшей из употребления лексики) остались применяемые клише и транслируемое содержание.

Сравните юридические клише, употребляемые в Своде основных государственных законов 1906 г., с современными эквивалентами:

«в цѣляхъ, не противныхъ законамъ» (пункт 80 Свода) – для достижения не противоречащих закону целей (пункт 1 статьи 14 Закона РФ от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации»);

«на основаніяхъ, въ законѣ опредѣленныхъ» (пункт 117 Свода) – на общих основаниях, установленных Гражданским кодексом РФ (пункт 4 статьи 26 Федерального закона от 28.12.2013 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях»);

«въ случаяхъ и въ порядкѣ, закономъ опредѣленныхъ» (пункт 75 Свода) – в случаях и порядке, определенных настоящим Законом (пункт 1.1 статьи 28 Закона РФ от 01.04.1993 № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации»);

«в случаях и в предѣлах, предусмотрѣнных в статье 116» (пункт 118 Свода) – в случаях, предусмотренных настоящей статьей (пункт 1 Федерального закона от 27.06.2018 № 168-ФЗ «О внесении изменений в статьи 31 и 32.2 Федерального закона "О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации"»); в случаях и в предѣлах, предусмотренных семейным законодательством (пункт 1 статьи 1 Федерального закона от 30.12.2015 № 457-ФЗ «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и статью 256 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»);

«в преуказываемом порядкѣ» (пункт 125 Свода) – в установленном порядкѣ (пункт 6 статьи 22 Федерального закона от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи»);

«§ 7 сего прил.» (приложение к Своду) – в пункте N настоящего приложения (приложение 2 к Федеральному закону от 21.07.1997 № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов»).

4. Заключительные положения. Безусловно, затронутая в статье проблема и анализируемый материал, в силу глубины и многогранности, не рассмотрены во всех возможных аспектах и нуждаются в дальнейшей научной разработке, более детальном описании. Однако проведенное обзорное исследование позволяет, с одной стороны, сделать вывод о длительном становлении законодательного текста как особого речевого жанра, отражающего процесс формирования представления о генезисе правового содержания и традициях его вербального выражения, с другой стороны, обозначить общие универсальные черты законов, созданных в разные временные периоды, детерминированные как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами.

В ходе развития правовых текстов и юридического языка формальный (структурно-текстовый) и содержательный аспекты закона существенно трансформировались, но предметно-целевой аспект, по сути, сохранился неизменным. Как и ранее, сегодня основная стратегическая цель закона и языка как средства его изложения – это регулирование общественных отношений, определение функций и возможного поведения человека в обществе.

На протяжении длительного периода и в настоящее время законы понимаются как узко (только законы), так и расширительно (законы и иные правовые акты). При этом понятие «закон», рассматриваемое в узком смысле, является родовым по отношению к определенному множеству актов. В частности, корпус современных российских законов представляет собой совокупность автономных текстов, которые могут быть объединены в отдельные классы видов законов. В связи с этим понятие «закон» рассматривается в качестве родового по отношению к понятиям «конституция», «устав», «кодекс», «закон о внесении изменений» и др.

Сохраняется традиция иерархического соотношения законов. Чем выше закон в иерархии, тем не только выше он по значимости, но и больше условий создается для его обсуждения, принятия, изменения, отмены. Цель данных условий – придание высшим по значимости законам особого символического смысла, большей устойчивости содержащихся в таком законе норм. Поэтому объединение законов в классы, наряду с предметным, получает процессуальное обоснование.

Как в языке права, так и на уровне законодательного текста, отражены следующие тенденции их развития:

- преемственность традиций модельного создания правовых текстов, формульных и структурно-содержательных особенностей выражения волеизъявления (правовая рецепция, использование шаблонов разнопредметных и разноцелевых текстов, вспомогательных реквизитов, юридических клише, понятий с устойчивой и вариативной семантикой);

- переход от языковой конкретизации к языковой объективации (от частного к общему) для выражения инвариантного характера понятий и моделируемых ситуаций, преобладание отвлеченных, абстрактных, отлагольных существительных, субстантивации в целом;

- структурное усложнение текста и гипертекстового пространства, интертекстуальных связей, детализация алгоритмов моделируемых действий, обоснованные с точки зрения регулирования максимально широкого спектра общественных отношений, необходимости должной интерпретации и возможности применения правового правила в конкретной ситуации (от общего к частному).

Литература

Аванесов Р.И. К вопросам происхождения и развития русского литературного языка / Проблемы общего и германского языкознания. М., 1978. С. 88-96.

Виноградов В.В. Избранные труды. История русского литературного языка. М., 1978.

Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.

Ганькова Е.Г. Приходно-расходные книги севернорусских монастырей как жанр деловой письменности допетровского времени (на материале рукописей Николо-Корельского монастыря): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2006.

Десницкая А.В. К изучению языка памятников обычного права / Вопросы языкознания. 1983. № 4. С. 64-74.

Зимин А.А. Правда Русская. М., 1999.

Истратий В.В. Юридическая лексика в русском языке второй половины XVIII века (на материале перевода трактата У. Блэкстона «Истолкование аглинских законов» 1780-1782 гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2018.

Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003.

Косова М.В. Композиционно-речевая структура войсковых грамот XVIII в. / Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 2 (2). С. 437-439.

Косова М.В. Признаки законодательного документа в тексте «Русской Правды» / Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2017. Т. 16. № 1. С. 47-52.

Крикоров Н.А. Духовно-нравственные константы права и правовых отношений в современном российском обществе: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Ставрополь, 2017.

Куницын А.П. Русская философия права: философия веры и нравственности: Антология. СПб., 1997.

Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание (Избранные работы). М., 1977. С. 163-175.

Латкин В.Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX века). М., 2004.

Лотман Ю. Внутри мыслящих миров. СПб., 2016.

Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста. Избранные статьи. Т.1. Таллинн, 1992. [URL: <http://philology.ru/literature1/lotman-92-b.htm>]

Лыкова Н.Н. Генезис языка права: начальный этап (на материале французских и русских документов X-XV веков): автореф. дис. ... докт. филол. наук. Екатеринбург, 2005.

- Мещерский Н.А. Избранные статьи. СПб.: Языковой центр филологического факультета СПбГУ, 1995.
- Милов Л.В. О происхождении Пространной Русской Правды / Вестник МГУ. Серия 8. История. 1989. № 1. С. 3-29.
- Михайловский И.В. Очерки философии права. Томск, 1914.
- Обнорский С.П. Избранные работы по русскому языку. М., 1960.
- Основные законы (XI – XXI века): тысячелетие российского законодательства (памятники российского права с комментариями специалистов): Отчет о научно-исследовательской работе / под рук. директора Института российской истории РАН Ю.А. Петрова. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013.
- Пиголкин А.С. Теоретические проблемы правотворческой деятельности в СССР: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Всесоюзный научно-исследовательский институт советского законодательства. М., 1972.
- Подъяпольская Е.П. Об истории и научном значении издания «Письма и бумаги императора Петра Великого» / Археографический ежегодник за 1972 год. М., 1974. С. 56-70.
- Попов Е.Ю. Специальная лексика в региональных памятниках судебного делопроизводства XVII века (на материале деловой письменности Приенисейской Сибири): автореф. дис. ... канд. филол. наук. 10.02.01. Хабаровск, 2018.
- Попова Л.В. Русская терминология XVIII века в структурно-семантическом и лингвокультурологическом аспектах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2007.
- Селищев А.М. О языке «Русской Правды» в связи с вопросом о древнейшем типе русского литературного языка / Вопросы языкознания. 1957. № 4. 129-140.
- Сильченко Н.В. Закон: Проблемы этимологии, социологии и логики. М., 1993.
- Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. СПб., 2002.
- Сперанский М.М. Избранное. М., 2013.
- Тихомиров М.Н. Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. М.; Ленинград, 1941.
- Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. М., 1917. [URL <http://lib.tru.ru/fulltext/m/2009/m37.pdf>]
- Федорченко Е.А. Становление и развитие терминологической лексики таможенного дела в русском языке: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Москва, 2004.
- Фесенко А., Фесенко Т. Русский язык при советах (фрагменты) / Лингвистическая советология / Будаев Э.В., Чудинов А.П. Екатеринбург, 2009. С. 181-195.
- Чичерин Б.Н. Вступительная лекция по Государственному праву, читанная в Московском университете 28 октября 1861 года / Московские ведомости. 1861. № 238. [URL http://dugward.ru/library/gosipravo/chicherin_vstupitelnaya_lekciya_1861.html]
- Чичерин Б.Н. Общее государственное право. М., 2006.
- Щербина Л.В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.
- Язык закона / Под ред. А.С. Пиголкина. М., 1990.
- Якубинский Л.П. Избранные работы. Язык и его функционирование. М., 1986.
- Яшин А.Н. Философия русского правосудия: генезис и эволюция идей (IX – XIX): дис. ... докт. философ. наук. Мурманск, 2019.

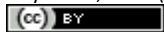
References

- Avanesov, R.I. (1978) *On the origin and development of the Russian literary language. Problems of General and Germanic Linguistics*. Moscow: Moscow University Publishing House. 88-96. (In Russian).
- Vinogradov, V.V. (1978) *Selected Works. History of the Russian literary language*. Moscow. (In Russian).
- Vinokur, G.O. (1959) *Selected works on the Russian language*. Moscow. (In Russian).
- Gankova, E.G. (2006) *Receipt and expenditure books of the Northern Russian monasteries as a genre of business writing in the pre-Petrine period (based on the manuscripts of the Nikolo-Korelsky monastery)*. Abstract of diss. ... Candidate of Philology. Arkhangelsk. (In Russian).
- Desnitskaya, A.V. (1983) *Towards the Study of the Language of Customary Law Monuments. Questions of linguistics*. 4. 64-74. (In Russian).
- Zimin, A.A. (1999) *Russian Truth*. Moscow. (In Russian).
- Istratiy, V.V. (2018) *Legal vocabulary in the Russian language of the second half of the 18th century (Based on the translation of W. Blackston's treatise "The Interpretation of the Aglinsky Laws" 1780-1782)*. Abstract of diss. ... Candidate of Philology. St. Petersburg. (In Russian).
- Korkunov, N.M. (2003) *Lectures on General Theory of Law*. St. Petersburg. (In Russian).
- Kosova, M.V. (2015) *The compositional-speech structure of military letters of the 18th century*. Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. 2 (2). 437-439. (In Russian).
- Kosova, M.V. (2017) *Signs of a legislative document in the text of "Russian Pravda"*. Bulletin of the Volgograd State University. Linguistics. 2017.Vol. 16. 1. 47-52. (In Russian).
- Krikorov, N.A. (2017) *Spiritual and moral constants of law and legal relations in modern Russian society*. Abstract of diss. ... Candidate of Philosophy. Stavropol. (In Russian).
- Kunitsyn, A.P. (1997) *Russian Philosophy of Law: Philosophy of Faith and Morality*. Anthology. St. Petersburg. (In Russian).
- Larin, B.A. (1977) *History of the Russian language and general linguistics (Selected works)*. Moscow: Enlightenment. 163-175. (In Russian).
- Latkin, V.N. (2004) *Textbook of the history of Russian law of the period of the empire (XVIII and XIX)*. Moscow. (In Russian).
- Lotman, Y.M. (2016) *Inside the thinking worlds*. St. Petersburg. (In Russian).
- Lotman, Y.M. (1992) *Semiotics of culture and the concept of text*. Selected articles. Vol.1. Tallinn. [URL: <http://philology.ru/literature1/lotman-92-b.htm>] (In Russian).
- Lykova, N.N. (2005) *Genesis of the language of law: the initial stage (based on French and Russian documents X-XV)*. Abstract of the thesis ... Doctor of Philology. Ekaterinburg. (In Russian).
- Meshchersky, N.A. (1995) *Selected Articles*. St. Petersburg: Language Center of the Faculty of Philology, St. Petersburg State University. (In Russian).
- Milov, L.V. (1989) *On the origin of the Extensive Russian Truth*. Moscow State University Bulletin. Series 8. History. 1. 3-29. (In Russian).
- Mikhailovsky, I.V. (1914) *Essays on the philosophy of law*. Tomsk: Printing house of S.P. Yakovlev. (In Russian).
- Obnorsky, S.P. (1960) *Selected works on the Russian language*. Moscow. (In Russian).
- Basic laws (XI - XXI): the millennium of Russian lawmaking (monuments of Russian law with commentaries by specialists)*. Report on research work (under the direction of the Director of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences Yu.A. Petrov). Moscow. (In Russian).

- Pigolkin, A.S. (1972) *Theoretical problems of lawmaking in the USSR. Abstract of the thesis ... Doctor of Law. All-Union Scientific Research Institute of Soviet Legislation. Moscow. (In Russian).*
- Podyapolskaya, E.P. (1974) *On the history and scientific significance of the publication "Letters and Papers of Emperor Peter the Great". Archaeographic Yearbook for 1972. Moscow: Science. 56-70. (In Russian).*
- Popov, E.Yu. (2018) *Special vocabulary in regional monuments of judicial office work XVII (based on the business writing of the Yenisei Siberia). Abstract of diss. ... Candidate of Philology. Khabarovsk. (In Russian).*
- Popova, L.V. (2007) *Russian terminology XVIII in structural-semantic and linguocultural aspects. Abstract of diss. ... Candidate of Philology. Chelyabinsk. (In Russian).*
- Selishchev, A.M. (1957) *On the language of "Russkaya Pravda" in connection with the question of the most ancient type of Russian literary language. Questions of linguistics. 4.19-140. (In Russian).*
- Silchenko, N.V. (1993) *Law: Problems of Etymology, Sociology and Logic. Moscow. (In Russian).*
- Speransky, M.M. (2002) *A Guide to Understanding the Laws. St. Petersburg. (In Russian).*
- Speransky, M.M. (2013) *Favorites. Moscow. (In Russian).*
- Tikhomirov, M.N. (1941) *Study on Russian Truth. The origin of the texts. Moscow; Leningrad: Publishing house Acad. Sciences of the USSR. (In Russian).*
- Trubetskoy, E.N. (1917) *Lectures on the Encyclopedia of Law. Moscow. [URL: <http://lib.tru.ru/fulltext/m/2009/m37.pdf>.] (In Russian).*
- Fedorchenko, E.A. (2004) *Formation and development of terminological vocabulary of customs in Russian. Abstract of the thesis ... Doctor of Philology. Moscow. (In Russian).*
- Fesenko, A., Fesenko, T. (2009) *Russian language at the councils (fragments). Linguistic Sovietology (Budaev E.V., Chudinov A.P.) Yekaterinburg. 181-195. (In Russian).*
- Chicherin, B.N. (1961) *Introductory Lecture on State Law, delivered at Moscow University on October 28, 1861. Moskovskie vedomosti. 238. [URL: http://dugward.ru/library/gosipravo/chicherin_vstupitel'naya_lekciya_1861.html] (In Russian).*
- Chicherin, B.N. (2006) *General state law. Moscow. (In Russian).*
- Shcherba, L.V. (1957) *Selected works on the Russian language. Moscow. (In Russian).*
- Pigolkin, A.S. (1990) *Language of Law. Moscow. (In Russian).*
- Yakubinsky, L.P. (1986) *Selected works. Language and its functioning. Moscow. (In Russian).*
- Yashin, A.N. (2019) *Philosophy of Russian justice: genesis and evolution of ideas (IX - XIX). : Abstract of the thesis ... Doctor of Philosophy. Murmansk. (In Russian).*

Citation:

Батюшкина М.В. Общий взгляд на развитие языка права и законодательных текстов. // Юрислингвистика. – 2021. – 19. – 5-14
Batyushkina, M. V. (2021). General view on the development of the language of law and legislative texts. Legal Linguistics, 19, 5-14.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License
